

Глава 1

Наузницы

Когда мы были маленькими (помнишь ли, Яри?), мы жили все троим — ты, я, Элиз — в одной крохотной келье. На исходе третий год нашей разлуки, а я каждый день вспоминаю то счастливое время. Время детских забав и тяжелой учебы, прядильных песен и старых сказок из прежних, мирных веков; время ссадин, от которых не больно, а смешно, и длинных кос, которые мы расплетали, сидя в одной большой бочке для купания; время зависших в воздухе пылинок от накрахмаленных простыней, и утренней росы в саду, и кружевных теней в золотом вечернем свете.

Ничто извне не нарушало размеренного течения наших жизней, а внутренний распорядок в Девичьей башне был неизменным и точным. Я и теперь часто просыпаюсь до рассвета и сразу сажусь за ткацкий станок, днем меня тянет открыть какую-нибудь довоенную книгу из библиотеки

Виттора, а вечерами привычно клонит в сон сразу после заката. И до сих пор я не могу уснуть, не рассказав себе мысленно какую-нибудь историю из тех, что мы часами сплетали вместе, лежа все в одной постели. События в этих историях я представляю как огромный цветастый ковер, один из таких, которые ткут послушницы в Колыбели, только сплетенный из нитей моих сестер. И твои там тоже есть, Яри! Уверена, они еще проявятся.

Не знаю, как сложились жизни других: все связи теперь оборваны, я будто в клетке. Остается придумывать нашим сестрам самые лучшие судьбы, на какие только хватает моего воображения. Так, представь: Катерина вышла замуж, как и мечтала, и подарила мужу много сыновей, а Колыбели — много новых сестер. Марианна смогла в одиночку сплести полог, да такой большой и крепкий, что он накрыл собой весь город, и ни одной женщине с тех пор не пришлось отдавать нити, стареть и умирать до срока. Клара соткала особый платок под особую песню и с его помощью превратилась в птицу. Своим острым клювом она пронзила полог и улетела прочь, к дальним рубежам, в новую жизнь.

Ну а мы? Наша история только начинается.

Юна

- Э, ты меня спросила?
- Мне хотелось пить...
- Господин, она сказала, вы оплатите.
- Подожди! Ты меня спросила, женщина?

- Это же просто вода...
- Эта вода стоит больше, чем ты сама! Руку.
- Нет, пожалуйста, прошло мало времени!
- Руку!

Яра покосилась в сторону соседнего прилавка. Какой-то бородач схватил женщину, свою наузницу, и одним сильным движением вскрыл механизм цестуса на ее запястье. Хлопнул по предплечью, подгоняя нить. Наузница не сопротивлялась, только вздрогнула всем телом, когда тонкая, едва мерцающая серебром паутинка потянулась с ее пальцев. Сжимая руку, бородач стал сгребать нить в небрежный комок.

Другая наузница, стоявшая за ними в очереди, отвернулась, потом и вовсе отошла. Спрятала лицо в складки расшитого золотом платка. Яре тоже хотелось сделать вид, будто ничего не происходит. Но не смотреть она не могла — усталые, с набрякшими веками глаза серебряной поймали ее взгляд и теперь держали.

— Вот. — Мужчина оторвал и бросил на прилавок пучок серебра. — Сдачи не нужно.

— Этого слишком много, — заметила торговка, но пучок уже исчез в широкой ладони.

— Достаточно за урок для нее, — ответил бородач и потащил наузницу за собой. Та засеменила следом, прижимая к груди небольшой кувшин воды.

Яра и золотая наузница переглянулись встревоженно. Было ясно, что на этом урок для серебряной не окончен, но все, что они могли, — посочувствовать бедняжке. Патрон вправе

поступать со своей наузницей как посчитает нужным, ведь взамен он дает защиту, кров, еду и воду... Если, конечно, пожелает.

Кто-то окликнул золотую, резко дернул в толпу — должно быть, ее собственный патрон, Яра не успела разглядеть. Влажный осенний ветер налетел из ниоткуда, раздул плащ: пришлось поспешно закутываться, чтобы никто не увидел лишнего участка кожи или волос. Вскрик золотой размазала и стерла рыночная сутолока.

Юный Лука тем временем собрал в сумку Яры все, на что указал коготь ее цестуса: пару баклажанов, кукурузу, маленькую славную тыкву.

«Здесь лучшие овощи по лучшей цене», — сказал Тео сразу после свадьбы, когда знакомил Яру с городом. С тех пор она останавливалась только у этого прилавка. Раньше за ним торговал дедушка Мика, но в последние месяцы его подменял внук. Увидев Луку впервые, Яра сразу поняла, как выглядел Мика в юности: тот же острый, упрямо выпяченный подбородок, те же круглые серо-зеленые глаза и заломы на щеках от улыбки. Вот что до сих пор удивляло Яру: мужчины, такие разные, непривычные, сильно отличались в общей своей массе, но всегда можно было с точностью сказать, кто чей сын или внук. У людей без нитей это называлось родовым сходством. В Колыбели она привыкла к иному: все наузницы, с которыми она выросла, были похожи только друг на друга. Может, поэтому к ним и относились так, будто они отдельный вид. Или даже так, будто они не совсем люди.

— Всё, Лука, благодарю, — сказала она, когда сумка вспухла бугристыми боками. — Как поживает дедушка Мика?

Лука порозовел, пряча глаза, пробормотал короткую молитву Пряхе, а потом положил поверх овощей букет зелени: перья порея, кучерявую петрушку, плоские языки щавеля. Он часто так делал, не слушая никаких отговорок. Вот и теперь.

— Лука, я не могу это принять.

— Возьми, госпожа, прошу. Дедушка будет счастлив, что ты хорошо питаешься.

— Но я и так тебе должна.

— Возьми, это подарок. Иначе дедушка побьет меня палкой.

— А если я соглашусь, муж побьет палкой меня.

Белые зубы мелькнули в улыбке Луки. Все в Старом городе знали: Тео не из тех, кто поступает с наузницами подобным образом.

— Ты что-нибудь придумаешь, чтобы избежать его гнева.

Яра сделала вид, будто всерьез задумалась. Она уже отказалась трижды — это не помогло, и теперь осталось только принять подарок.

— Тогда скажу, что из-за дождя щавель и петрушка выросли прямо в моей сумке, — смеясь ответила она.

— Кстати, давно не видел господина. Все ли с ним хорошо? А как поживает госпожа Агния?

Яра замешкалась с ответом, и тут кто-то с силой толкнул ее в плечо. Вихрастый ребенок, одетый мальчиком, пронесся так близко, что чуть не сбил ее с ног. Первым делом Яра проверила карман: воришек на рынке хватало. Пока Лука кричал вслед

ругательства и одновременно самым вежливым образом выяснял, все ли с Ярой в порядке, она нащупала в кармане нечто такое, чего там не было раньше. Нечто мягкое, пружинящее.

Тех, кто не крал, а, наоборот, подкидывал вещи, было не так уж много, и почти всех Яра знала в лицо — запомнила за три года, которые провела в разлуке с Юной и Элиз. И хотя эту девочку она видела впервые, пальцы привычно утонули в шерстяной материи. Плетение было плотным, узор — простым, но изящным. Одного прикосновения достаточно, чтобы понять: письмо от Элиз.

Дорога домой показалась мукой. Яре хотелось поскорее прочесть записку — вдали от рынка, в безопасности. Она старалась идти так быстро, насколько позволяли одежда и приличия. Не стоило привлекать к себе еще больше внимания: затяжное одиночество Яры и без того уже бросалось в глаза. Вопрос Луки не был простой вежливостью — скорее сигналом, что люди в городе начинают замечать. Только цестусы, оплетавшие запястья и пальцы, могли ее защитить — пока что. Еще издали они сообщали всем встречным: есть мужчина, под чьим патронатом она живет; есть человек, которому принадлежат она и ее нити, и он явно влиятелен и небеден, если смог купить дочь Колыбели.

Создавать видимость — первое, чему научилась Яра, едва стала женой. Не позорить мужа. Поддерживать его статус своей ценностью — мнимой, к сожалению, но всем знать об этом необязательно. Наконец, молчать о том, что уже больше года ее цестусы некому отомкнуть, а честь некому защитить.

Овощи Яра бросила в летней кухне — заходить в дом, где ждала ворчливая Агния, пока не хотелось. Ей требовалось хотя бы пять минут тишины. Наскоро обтерев руки влажным полотенцем, Яра устроилась во дворике под раскидистым орехом, расправила на коленях ткань.

Только наузница, выросшая при Колыбели, могла прочитать этот узор. После того как Яра и Юна навсегда покинули Девичью башню, а Элиз навсегда в ней осталась, они обменивались такими весточками — лоскутами материи, носовыми платками, плотно подбитым вязанием. Или, как сейчас, обыкновенными женскими салфетками, какие подкладывают, чтобы не испачкать подол. Таких изделий мужчины старательно не замечают — тем они и прекрасны для тайных посланий.

Стежки письма были прерывистыми — о том, что Элиз старается сдерживать тревогу, говорил только белый цвет пряжи. В паре мест она даже совершила ошибку, а это совсем выходило из ряда вон. Смысл послания Яра поняла, едва увидев узор, но не поверила своим глазам. Перечитала — нить за нитью, стежок за стежком, ощупывая пальцами.

«Юна пропала, — сообщала Элиз. — Я хочу выяснить, что именно случилось, у первой жены. Приходи в Колыбель, как зазвонит илла, мне нужна твоя поддержка».

Юна пропала.

Яра разглаживала стежки этих слов, надеясь, что они превратятся во что-нибудь другое, но чуда не происходило. Письмо могло быть чьей-то несмешной шуткой — вот только *нити*, еще пульсирующие едва заметным звездным светом, пронизывали

все вязание, и это были *нити Элиз*. Яра не спутала бы их ни с чьими другими, а сама Элиз не посмела бы так шутить.

Юна пропала.

Элиз больше не добавляла «наша маленькая», как в детстве. После того как на Юну надели цестусы и она перешла под патронат Виттора, она перестала принадлежать своим сестрам — и уж тем более быть маленькой. Поначалу Яра даже завидовала ей — подумать только, вторая жена одного из самых влиятельных мужчин города! — примерно до десятого письма. Потом на смену зависти пришло беспокойство за сестру. Хотя Юна никогда не жаловалась напрямую, тон ее писем становился все мрачнее, все тревожнее. «Я боюсь», — писала она. Или: «Я здесь как в клетке». А один раз даже: «Виттор делает мне больно».

Письмо еще могло оказаться ошибкой. Элиз, теперь наставница при Колыбели, слишком занята заботой о своих послушниках — она могла не разобраться, как говорят, перепутать все нити.

Но если с Юной действительно случилось нечто страшное, виноват в этом мог быть только ее муж. Всякая ткачиха, набивающая ковер, точно знает, каким в итоге будет узор и сколько основных и уточных нитей ей потребуется протянуть. Так и Яра знала, чем все это кончится, еще три года назад, когда одетая мальчиком пичуга, стуча по камням сандалетами и звеня накосяниками, принесла ей расшитый золотом платок из дома Виттора.

Яра бросилась в дом, к сундуку, где хранились все письма. Откинула крышку. Перебрала свертки, нашла последний от

Юны, дрожащими пальцами развернула. Золотые нити, вплетенные в сукно стройными узорами, светились ярко и ровно. Нить была живая, а значит, и ее сестра по Колыбели еще жива. Яра выдохнула почти облегченно. Призрачный след Юны, казалось, дрожал в самом воздухе, едва уловимый, неосязаемый. Тянулся из сундука, проходил сквозь шкаф, заваленный чертежными книгами мужа, и стену дома; пронизывал летнюю кухню, и маленький придомовый садик, и арку ворот; петлял мощеными улицами и подворотнями, проносился над площадями и под колесами самоходных повозок, прошивал плотные кипарисовые заросли и кусты жасмина, нырял в чаши фонтанов — и окончательно терялся в толчее рынка.

Подумав о рынке, Яра вспомнила об овощах, а там и об ужине, и об Агнии, которая ждала ее уже слишком долго, так что наверняка начала выходить из себя. Словно отзываясь на ее мысли, из соседней комнаты послышалось протяжное:

— Ну что-о ты там? Где путаешься?

До вечерней иллы оставалась всего пара часов, а работы у Яры накопилось с избытком. Первым делом она проверила Агнию, которая жила на родительской половине, за цветастой, сплетенной из бусин занавеской.

Агния была матерью Тео.

— Явилась наконец! — встретила она невестку недовольным прищуром. — Подушку, подушку-то...

Яра ловко поправила и взбила подушку за спиной у Агнии, стараясь не обращать внимания на кислый запах давно не менянного белья. Иногда бороться со старой женщиной было

не только бессмысленно, но даже опасно, и с некоторых пор Яра предпочитала выполнять лишь то, о чем попросят.

— Ужинать когда будем? — Нос Агнии, бугристый, с крохотной бородавкой над левым крылом, беспокойно дышал. — Не ставила еще?

— Сейчас, матушка, сейчас.

Но Агния уж завела свое:

— Ох, бестолковая девка, ох, бесполезная... Раз взять с тебя нечего, разоренье, так хоть по дому успевай.

Под привычное ворчание Яра попыталась вернуться к делам, но все валилось из рук. Золотыми нитями на тонких шелковых платках сверкали перед глазами стежки писем от Юны: Яра перебирала в памяти последние весточки. Надеялась вспомнить любую странность, которая могла бы подсказать, что именно случилось.

В богатых домах жены-наузницы никогда не касались домашней работы — да и не смогли бы из-за неудобных цестусов. Наузниц покупали и содержали для другого. Но цестусы Яры были самыми простыми, они позволяли многое делать самостоятельно. Например, готовить, убираться, даже расчесывать волосы. Какая-никакая, а свобода — другой Яра не знала. Однако сегодня тарелки едва не выскальзывали из рук, а нож то и дело норовил чиркнуть по пальцу.

— Мой сын повел себя как благородный человек, взяв тебя в жены, хотя имел полное право отказаться от всей этой канители, — бормотала Агния из-за занавески. — Одной Пряхе из-

вестно, что бы с тобой случилось, если б не он! Так что ты теперь должна ему до конца дней своих.

Нарезая тыкву на кубики, Яра думала о том, что поступок Тео был не только благородным, но и, пожалуй, самым щедрым за всю ее жизнь. Она и впрямь была должна ему — и возвращала этот долг, хотя бы заботясь о его матери.

— И он может вернуться в любой момент! В доме все должно быть готово, если Тео вернется...

— Я знаю, матушка. Давайте ужинать.

Она подала Агнии пшеничную кашу со сладкой тыквой и изюмом. Это была любимая каша Тео — с некоторых пор приходилось готовить только его любимые блюда. За первые два года замужества Яра не узнала о нем и половины того, что узнала в третий — когда он ушел на войну.

— Ты оставила ему?

— Оставила, конечно. Не волнуйтесь, ешьте.

Они поели в молчании, слушая, как в усыхающем малиннике заливаются птицы. А потом раскатистый звон иллы разбил их трель — главный колокол вновь созывал сестер на жертвоприношение.

— Благоволение Колыбели, тебе не нужно ходить к вечерней песне, — пробормотала Агния и потянулась за молочником. От еды у нее обыкновенно поднималось настроение, и она даже могла пожалеть несчастную невестку. — Я уж давно свое отходила, а как вспомню, что это была за мука, и все тело выкручивает.

Яра вытянула руки запястьями вверх. Цестусы скрывали тонкие шрамы, так что она стала забывать, как те выглядят. Но всегда чувствовала, стоило сосредоточиться.

Наузы. Наложённые ещё в раннем детстве, они связывали Яру накрепко. Такие узлы были у всех дочерей Колыбели: необходимая мера безопасности — в первую очередь самих сестер. Вышедшие из-под контроля нити могли не только навредить окружающим, но и, как говорила ее наставница Олена, разрушить тело самой наузницы.

Узлы можно было развязать — на время или даже навсегда, но только в Колыбели или через брачные цестусы. Яра вспомнила, как наруч бородача на рынке привычным движением впился в цестус серебряной наузницы, как потянулась из ее руки слабая ниточка. Наручи и цестусы — веяние прогресса, игольное ушко для мужа. Управляемая сила, приносящая пользу патрону и обществу, — если, конечно, есть чем управлять.

— Проклятый это дар, — продолжала Агния. — Хорошо, что ты пуста! Хоть поживешь спокойно, для себя.

Впервые Тео открыл Яру — легко, почти без боли — под сводами брачного зала Колыбели. Было по-осеннему прохладное, но солнечное утро, и Юна уже стала женой Виттора пред ликом Созидающей Пряхи, вытканном на гобелене. Они оба стояли чуть в стороне, оба не сводили с Яры глаз: она сияла от счастья, он нервно покусывал губу. Разоренный до основания Тео, который выбрал Яру на торгах после красноречивого кивка Виттора — Яра отчего-то его запомнила, — не замечал ничего и никого вокруг. Он надел на нее цестусы, эти самые, которые и теперь

на ней, переплел свои пальцы с ее пальцами. Игла на запястье его наруча вошла в специальный паз, что-то щелкнуло, проворачиваясь, разрушая на короткое время целостность узла... И ничего не случилось: ни золотого сияния, как у Юны, ни даже легкой искры. Пустая, бесполезная для города, обуза и позор для мужа — все это Яра прочитала в пресных взглядах свидетелей. Тео не сказал ни слова. Лишь мягко сжал ладони, поцеловал, как было заведено, каждый ее палец — а потом запер и больше никогда не прикасался ни к ее рукам, ни к ней самой. Порой успокаивал: «Такое нечасто, но случается, не думай об этом». Яра не слышала ни об одном подобном случае, но старалась верить мужу, как было положено хорошей жене.

Другой на его месте мог бы взять еще одну наузницу, но Тео и так отдал за Яру последнее. Наверное, поэтому он и ушел на войну — от женщин на рынке Яра слышала, за это платят хорошие деньги. С тех пор о нем не было известий, а сундук свекрови, в котором она хранила дорогие ткани, опустел почти наполовину.

— Сегодня хочу пойти в Колыбель, — как можно беспечнее сказала Яра, поднимаясь и собирая посуду.

— Зачем? — насторожилась Агния. — Не ходи, нечего тебе там делать.

— Да так, скучаю по сестрам. — Яра пожала плечами, будто никакой особенной цели у нее не было. — Вдруг увижу знакомое лицо.

Илла еще звенела, когда она, закутавшись в теплую шаль, вышла из дома на узкую петляющую улочку Старого города.

Прикрыв ворота, почти сразу вплелась в стайку припозднившихся женщин. Все они, молодые и зрелые, были похожи друг на друга, как похожи между собой лишь наузницы, рожденные от наузниц: широкие лица и переносицы, чуть раскосые глаза, высокие скулы. По вышивке на одежде каждой можно было судить о положении ее мужа и о том, какой силой наделены ее руки.

Серебряными нитями обладали те, кто мог соткать самые крепкие полотна — основу для стены дома, подвеса моста, ворот, доспеха. Яра узнала Эву, что жила через дорогу: ее патрон продавал оконные решетки. Благодаря таким наузницам, как Юна, во всем Старом городе было светло даже ночью, а по улицам разъезжали самоходные повозки. Яра вгляделась в золотых: вдруг увидит знакомые острые плечи и чуть размашистую походку? В то, что Юна пропала, никак не удавалось поверить. Быть может, прямо сейчас она в Колыбели, поет и ткет вместе с другими?

Одежды, расшитые нитями цвета рыжего пламени, встречались реже: их носили огненные наузницы, которые умели влиять на живое. Обычно их мужья становились лекарями или продавали целебные повязки для омоложения и красоты. Насколько знала Яра, первая жена Виттора была именно такой, да к тому же очень сильной — недаром он владел целой реабилитационной клиникой для военных.

Существовали и алые нити. Такие наузницы обычно служили в частной или городской страже, а некоторые уходили на дальние рубежи наравне с мужчинами. Алых сторонились, но

жертвование было обязательным для всех, в том числе и для тех, кто сплетал одну лишь боль. Город нуждался во всех нитях, чтобы оставаться под защитой.

Круглые камни мостовой вдавливались в ступни через мягкие подошвы сандалий. Прибитая дождем пыль уже высохла, вновь поднялась, и рыжеватый в закатном свете воздух казался сухим на вкус, тяжелым от запаха поздних роз и бархатцев.

Шурша расшитыми подолами, наузницы тихо переговаривались:

— Яблоки подешевели, самое время... Пары мешков будет достаточно...

— Дух от них на всю кухню!..

— ...Обязательно приготовь к Покрову, это традиционный рецепт...

— А правда, что Виттор появится на празднике в ложе патрионов? Я слышала...

— Да, говорят, он снова будет выбирать. Повезет же кому-то!..

— Уймись, сплетницы!

Над их головами привычно и умиротворяюще мерцал полог. Он уже давно изнашивался, и солнечный свет, проходя сквозь него, почти не тускнел, только смягчал цвета и контуры. С такого расстояния полог казался легкомысленно тонким, словно летний платок, небрежно наброшенный на голову. Скоро его сменит новый, который надежно и в равной мере укроет от внешнего зла и двускатные крыши особняков за серебряными решетками заборов, и простые войлочные палатки бедняков,

и целую сеть широких каменных мостовых, и глухие полутемные переулки, и всегда шумный центральный рынок, и заводские районы на южных окраинах, и вздыбленные спины мостов, и пронзающие небо шпили Колыбели. Одним словом, все двуречье, в пересохшем русле которого разросся город.

— Много ли еще осталось?

— Если постараться, сплетем к новолунию.

— Узор получается удивительный, не правда ли?

— А лучше бы все-таки ткать по-старому...

— Тебе лишь бы по-старому, Эва! Новые нити, новые песни, новый узор — так всегда было.

— Главное — прочность, а уж какие вплетаются слова — дело личное.

Ни одна нить не вечна, и даже самую надежную защиту следовало обновлять. С последнего праздника Покрова прошло ровно столько времени, сколько требуется, чтобы соткать новый полог. Вся их жизнь подчинялась этому ритму. Стоило зазвенеть жертвенной илле — и начинался очередной виток этого бесконечного цикла: вереница наузниц тянулась в Колыбель, чтобы отдать долг, и в нефе вновь звучали прядильные песни. Слова этих песен становились молитвами, молитвы вплетались в ткань полога. Если присмотреться, в его причудливом разноцветном узоре можно было разобрать отдельные слова — тайные письмена, оставленные прошлым поколением у всех на виду.

— Я молюсь, чтобы поскорее вернулся муж. А ты?

— А я за дочерей...

— Говори тише! Они не твои, забудь. Они в Колыбели.

— И все равно молюсь. Как же иначе?

— А я за то, чтобы все поскорее закончилось и нам больше не пришлось...

— Холодом как тянет по ногам, чувствуете?

— Так зима скоро.

— Поторопимся, сестры.

Улица кончилась — начались ступени, ведущие к Колыбели. Древние, неведомо кем вырубленные из серого пористого камня, кое-где они скалились железными прутьями, но прорехи залатали серебром. Под ногой хрустнуло — Яра смахнула в сухую траву осколки белой раковины, похожей на веер. Холм, на котором возвышалась Колыбель, раньше был островом. Его и теперь обнимали рукава не существующей больше реки, а по обрывистым склонам кое-где еще встречались останки древней жизни.

На вершине холма гулял ветер. Площадь перед Колыбелью уже готовили к празднику. В этот раз он обещал быть еще более грандиозным, потому что совпадал с торгами за новых выпускниц Колыбели. Длинный помост для торгов и полукруглую ложу напротив обновляли и украшали разноцветными штандартами. Ветер трепал их, точно языки огня. Спеша под своды Колыбели, наузницы придерживали свои платки, чтобы их не унесло прочь. Ворота были распахнуты, из нефа звучала прядильная песня.

Кто-то мягко тронул Яру за плечо.

— Не видела тебя раньше. — Женщина с царственной осанкой участливо заглянула Яре в лицо. Ее густые медные волосы

выбивались из-под платка, наряд говорил о высоком положении. — В первый раз?

— Да, — ответила Яра, — можно и так сказать.

Вдаваться в подробности не хотелось, врать — и того меньше. Яра надеялась, что женщина больше не станет ни о чем расспрашивать, и это, кажется, отразилось на ее лице.

Наузница кивнула, потянула Яру за собой:

— Тогда держись меня.

Три года она не возвращалась сюда — с тех самых пор, как их с Юной продали на торгах. Но стоило шагнуть под головокружительно высокие, прошитые светом белокаменные своды, стоило увидеть множество нитей, которые струнами тянулись ввысь, к центральному шпилю, и там сплетались в единую ткань нового полога, стоило вдохнуть особый запах святого места — оливковое масло, шалфей, терпкий можжевельник, — и перед глазами поплыли мерцающие, влажные огни.

В нефе Колыбели, вокруг пустующей жаровни, в несколько рядов сидели наузницы. Ничего, кроме мягких подушек и собственных развязанных рук, им не требовалось. Из пальцев, сложенных в щепоть, тянулись нити — золотые и серебряные, огненные и алые. У каждой наузницы было свое место в кругу, у каждой — своя задача. Нити одних становились основой, сквозь них проходили другие — нити утка. По строению Колыбель представляла собой огромный ткацкий станок, на котором ряд за рядом рождался новый полог. Завеса из готовых полотен колыхалась над головами наузниц, занимая собой все пространство от каменного пола нефа до пика центрального

шпиля Колыбели. Там, на самом верху, полотна наматывались на мощные вóроты, а внизу их сшивали в единое целое. Когда все будет готово, в жаровне разведут огонь, и горячий воздух выдует полог ввысь. Он раскроется, осядет на город, а потом края подхватят и растянут, плотно закрепив на окраинах. Говорят, шествия в честь этого события очень красивые. Яра мечтала посмотреть на них хотя бы издали.

До праздничной церемонии оставалось не так много дней, но наузницы не торопились. Не обращая на опоздавших никакого внимания, они работали кропотливо и слаженно. Единый и нужный темп помогала держать прядильная песня. Ее ритм повторял пульс человека, а скорость была ровно такой, с какой сплетается нить, — ни выше, ни ниже. Яра почувствовала, как ее утягивает этим ритмом, как голова освобождается от посторонних мыслей, а пальцы сами собой начинают скручивать несуществующее волокно.

Женщина с царственной осанкой усадила Яру на подушку. Плотное ровное плетение оказалось прямо на уровне глаз, так что Яра смогла рассмотреть каждую ниточку. Все они были разные: тонкие, как осенняя паутина, и толстые, словно металлическая струна, совсем белые, серебряные, ослепительно-золотые и нежно-персиковые, ярко-алые, точно капилляры. Говорят, как нет ни одного повторяющегося узора на подушечках пальцев, так не найти и одинаковых нитей. У всякой наузницы своя сердцевина, свой клубок под левой грудью. При желании Яра могла без труда понять, какая нить какой сестре принадлежит. Здесь, в святая святых, сплетались души и песни

всех дочерей Колыбели. Не было только ее одной — да и не могло быть.

Женщина села рядом с Ярой, тесно прижав ее к соседке слева, невысокой алой наузнице с округлыми коленями, белевшими из-под юбки. Показалось, они переглянулись поверх ее головы, но ничего друг другу не сказали. Яра близко чувствовала обеих. Это было очень привычное, даже родное ощущение: раньше они с сестрами точно так же сидели за прядением в Девичьей башне по многу часов, или ели, стучаясь локтями, или спали, плотно прижавшись друг к дружке, чтобы сберечь тепло.

— Хорошо тут, правда?

Тонкие ажурные цестусы с длинными острыми ногтями, унизанные драгоценными камнями, облегли кисти ее соседки, точно вторая кожа. Женщина протянула руки запястьями вверх: один из молчаливых зрителей уже спешил к ней, чтобы отомкнуть нити. Целомудренное касание наручей, тихий шелчок браслетов, затем тонкий, почти на грани слуха, звук дрожащей струны. Женщина поморщилась, точно от секундной боли, выдохнула облегченно — и ловким привычным движением подхватила свободную нить.

— Если тебя заранее не открыл патрон, зритель поможет, — сказала она. — А дальше ничего сложного, просто делай как все. Ты мигом освоишься.

Из-под ее пальцев заскользила тугая огненная плеть, соединилась с нитью в полотне. Яра поспешно отвела взгляд: смотреть на то, как рождается чья-то нить, казалось не слишком приличным. Женщину, однако, такие мелочи не смущали.

— Что же ты? — поторопил смотритель, глядя на Яру. — Приступай, раз пришла.

Соседка слева, криво ухмыльнувшись, выпустила очередной алый пучок. Показалось, ее цестусы больше напоминают перчатки до локтей. В сумраке Колыбели они слабо светились.

Зажатая между двумя опытными наузницами и смотрителем, который нависал над ней, Яра почувствовала, что близка к отчаянию. Радость, охватившая ее в первую минуту, развеялась. Какой от нее здесь прок? Она не способна дать новому положу ни одной ниточки. Она и пришла-то сюда не за этим — а только чтобы поддержать Элиз и узнать новости о Юне.

С тревогой Яра огляделась по сторонам: где же Элиз? Несколько служителей Колыбели, мужчины и женщины, наблюдали за работой наузниц, но среди них не было никого, похожего на ее названую сестру. Бедра соседок крепко сжимали Яру, чужие требовательные взгляды не оставляли иного выбора.

Раз сама пришла, делать нечего — Яра подала руки смотрителю и почувствовала, как развязываются узлы внутри ее запястий. Словно после долгого онемения, закололо в кончиках пальцев. А еще появилось странное чувство, названия которому она не могла дать. Радость — и больше радости. Сила — и больше силы. Нечто близкое к всемогуществу. И от этого стало еще страшнее. Никаких нитей, несмотря на внешность наузницы и шрамы на запястьях, у нее не было. По крайней мере, Яра никогда их не видела. Но сейчас как будто ощутила.

Если бы не тревожное письмо Элиз, Яра никогда не решилась бы сюда прийти. Если бы не две крутобедрые женщины, их сноровка и мастерство, она ни за что бы не рискнула попробовать. Но, в конце концов, все должны жертвовать — ради общего блага, и нить каждой наузницы, вплетенная в полог, значима. Нужно было исполнять свой долг — если не перед мужем, то перед городом и его защитниками на дальних рубежах. Так Яру учили в Колыбели — а иначе зачем это все? Зачем она сама?

Под кожей от плеч к ладоням свободно и стремительно побежал холод — но, несмотря на иголки в пальцах, нить так и не появилась. Вместо этого полотно, к которому она прикоснулась, вдруг начало исчезать. Яра пыталась ухватить край, но тот ускользал, нити полога одна за другой растворялись под ее пальцами. В ужасе от того, что наделала, Яра отшатнулась. Но тут рука в тонком ажурном цестусе накрыла прореху. Огненная нить вплетась в полог, и на месте расплзшейся дыры стало возникать новое полотно, лучше и прочнее прежнего.

— Не знаю, как это вышло, — пробормотала Яра, чувствуя, как полыхает лицо.

Узор, который проворно ткала статная женщина, выходил в точности таким, каким был и раньше, только дышал странным, почти животным теплом. И Яра наконец узнала ее — сильнейшую из ныне живущих дочерей Колыбели.

— Ты Урсула. Жена Виттора.

— Первая жена, — с нажимом поправила Урсула, и тут знакомый травяной запах обнял Яру за плечи.

— Пришла! Слава Пряхе, вы уже познакомились!

Тонкая и маленькая Элиз просочилась между ними, не заняв много места.

— Не совсем...

— Более чем. — Урсула бросила на Яру острый, встревоженный взгляд, от которого ей, и без того напуганной, стало совсем не по себе.

— Урсула, это Яра, моя близкая сестра, — между тем ворковала Элиз. Яра с удивлением уловила в вечно холодном, даже едком, тоне сестры медовые нотки. — Рада, что вы сразу установили связь...

— Не то слово.

Урсула подхватила последние выпавшие нити, Элиз помогла ей. Они принялись за работу в четыре руки. Яра же спрятала свои в складках плаща, не смея больше касаться священного полога. Щеки пылали от стыда, пальцы, закованные в металл, свело судорогой. Что произошло? Почему чужая нить рассыпалась, стоило ей коснуться? Раньше ничего подобного не случилось. Впрочем, раньше ее наузы почти не открывали.

— Мы обе выросли вместе с Юной, — вполголоса продолжала Элиз, подстраивая слова под ритм прядильной песни, чтобы не сбиваться с работы.

— Юна хорошая девушка, — кивнула Урсула сдержанно. — За те три года, что она жила в моем доме, мы стали как сестры.

Конечно, первая жена имела право считать дом мужа своим, но в той же мере, в какой и все остальные жены, и дети,

даже прислуга. В тоне Урсулы, однако, звучало нескрываемое превосходство. Но Элиз обратила внимание на другое:

— Жила?

По лицу Урсулы пробежала тень. Она поджала губы, явно желая закончить разговор.

— Вчера в Колыбели подняли какую-то суматоху, и я видела твоего мужа, — мягко продолжала Элиз. — Он был очень взволнован. Пожалуй, даже безутешен. И, кажется, зол. Я слышала только, что он потерял Юну, больше — ничего.

Урсула расправила напряженные плечи.

— Расскажи, что знаешь, пожалуйста! — не выдержала Яра, перегнувшись через Элиз. — Если она тебе как сестра, ты должна понять: мы сильно беспокоимся!

Руки Урсулы засучили нить с удвоенной скоростью — она так и заполыхала в пальцах, обжигая даже на расстоянии. Элиз досадливо цыкнула на Яру, попыталась отпихнуть, но та не поддалась:

— Что случилось с Юной? Виттор что-то с ней сделал, да?

— Это дела моего дома, — холодно обронила Урсула.

— Это и ее дом тоже!

По кругу прокатился шепоток. Женщины стали оглядываться на спорщиц: кто-то шикнул, кто-то запел нарочито громко.

Урсула зашипела яростно:

— Я не могу болтать об этом направо и налево. Но будьте уверены: дела обстоят вовсе не так, как вы обе себе вообразили. Виттор порядочный человек. И если он говорит... что все образуется... значит, так и будет. А теперь прошу меня простить.

С этими словами она встала и пошла прочь. Несколько женщин проводили ее недоуменными взглядами. Видимо, вот так бросать работу раньше других тут не принято, поняла Яра. Но никто не остановил Урсулу — быть может, из-за дорогих одежд, а может, из-за стремительности, с которой она покинула Колыбель.

— Прости, я все испортила. Урсула помогла мне с... — Яра неуверенно оглядела свои руки: наузы в ее запястьях уже завязывались сами собой. — Поначалу она выглядела очень доброй, и я думала, она расскажет о Юне... Прости.

— Если бы не твой напор, так бы и вышло, — вздохнула Элиз. — Ладно, не переживай. По рваным нитям не плачут — прядут новые, да покрепче. Мы обязательно все выясним. Я пошлю тебе весточку, если узнаю что-то новое.

— Да, весточку...

Яра с опаской повела ладонью по идеальному краю полога, который выткала Урсула, но ничего страшного не произошло: никакого покалывания в пальцах и полотно осталось цельным. Что бы ни таилось в руках у Яры, наузы быстро и надежно перекрыли это — до следующего раза. Яра вдруг вспомнила лицо Тео, когда он развязал ее в день свадьбы. У него было странное выражение. Не разочарование, не досада. Скорее удивление. И еще, кажется, страх.

Нити Урсулы, заткавшие прореху, переплелись с соседними, алыми. Наузница, которая их пожертвовала, тоже ушла — увлеченная разговором с Урсулой, Яра не заметила, когда это случилось. Необычный узор алых нитей уходил далеко ввысь.

Не сразу, но Яра поняла, что это слова. А когда разобрала их, то едва не вскрикнула, но вовремя зажала рот.

— Что такое? — насторожилась Элиз и тоже взгляделась в полог.

Там, где внесла свою лепту алая наузница, нити сложились в тайное послание, понятное только женщинам:

«Мужчины возвращаются, но не такими, как прежде. Война на дальних рубежах изменила их до неузнаваемости, и теперь наузницы пропадают без вести. Под пологом больше не безопасно, но Колыбель молчит об этом. Будьте осторожны, сестры!»

— «Наузницы пропадают», — прочитала она вслух. Поперек ее лба пролегла глубокая морщина. — Как и Юна.

— Думаешь, Юну могли?.. — Яра вскочила, не в силах усидеть на месте. — Но как? Она ведь не выходила из дома.

Элиз шикнула на нее и дернула вниз. Потом тронула за плечо наузницу по соседству, молча указала на полог. Наузница сдвинула брови, вчитываясь, и ее лицо вытянулось. Резко обернувшись, она зашептала на ухо новость следующей женщине, та — следующей, и вот тихий рокот уже катился по всей Колыбели, окончательно нарушая ритм прядильной песни.

— На сегодня достаточно! — громко объявила Элиз, поднимаясь с подушки. — Скоро стемнеет. Идите по домам, сестры. — А потом, наклонившись к Яре, добавила: — Запри на ночь дверь. Не хватало потерять еще и тебя.